ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСТВО

УДК 82.02

КОЛОСОВА Е.И.[1] ОБЩЕСТВА АНТИКВАРИЕВ В КОНТЕКСТЕ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в. (Обзор).
DOI: 10.31249/lit/2021.03.08

Аннотация. В обзоре исследуются предпосылки создания обществ антиквариев XVIII в. и их влияние на английскую поэзию; антикварианизм как феномен, который способствовал исследованиям в области лингвистики и истории литературы, истории, социологии. Рассматривается фигура А. Рэмзи как поэта, популяризирующего шотландское народное искусство и внесшего большой вклад в научное изучение шотландского наследия.

Ключевые слова: антикварианизм; антиквар; антикварий; баллада; хорографическая традиция; Аллан Рэмзи.

KOLOSOVA E.I. Antiquary societies in the context of eighteenth-century British literature. (Review).

Abstract. The review considers some preconditions for the foundation of antiquary societies in the eighteenth century and their influence on British poetry; antiquarianism as a phenomenon that contributed to research in the fields of linguistics and literary history, history, sociology. A. Ramsay is also considered as a poet who popularized Scottish folk art and made a great contribution to the scholarly study of the Scottish heritage.

[1] **Колосова Екатерина Игоревна** – младший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН, аспирант кафедры зарубежной литературы филологического факультета МГУ.

Keywords: antiquarianism; antiquarian; antiquary; ballad; chorographic tradition; Allan Ramsey.

Для цитирования: Колосова Е.И. Общества антиквариев в контексте британской литературы XVIII в. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2021. – № 3. – С. 95–108. DOI: 10.31249/lit/2021.03.08

История литературы Великобритании XVIII в. тесно связана с феноменом антикварианизма. Ученые-антиквары оказали колоссальное влияние на литературные тенденции столетия, которые впоследствии сказались на эстетике британского романтизма.

Следует уточнить значение двух близких терминов – «антиквар» (antiquarian) и «антикварий» (antiquary). Первый относится к ученым, которые коллекционировали предметы старины, исследовали остатки древней архитектуры и материальное наследие прошлых веков. Антиквариями же принято называть ученых-исследователей, уделявших большее внимание рукописям и древним текстам. В сущности, практики антикваров и антиквариев различались не сильно. И те и другие организовывали поиски примечательных объектов для исследования, изучали их, а результаты обнародовали.

Розмери Свит (Лестерский университет), исследователь феномена антикварианизма, в третьей главе книги «Антикварии: открытие прошлого Британии XVIII в.» [3] излагает историю Королевского общества древностей (Society of Antiquaries of London) – одного из наиболее влиятельных научных сообществ Англии XVIII в., по образу которого было создано и второе по значимости в Великобритании Общество антикваров Шотландии (Society of Antiquaries of Scotland).

Антикварианизм как особый род деятельности – это коллективный проект, сильно зависящий от вовлеченности участников в исследовательскую деятельность. Он нацелен на распространение внутри сообщества накопленных данных и знаний об историческом прошлом. Королевское общество древностей и Лондонское Королевское общество (Royal Society или Royal Society of London for Improving Natural Knowledge), как и другие многочисленные аналогичные провинциальные организации в Англии, были частью

большой сети, имеющей связи с Европой, Индией и Америкой. Ученые-антиквары сотрудничали между собой, а отдельные их группы торговали документами и рукописями, и Р. Свит отмечает важный момент: чаще всего отдельные ученые не имели средств для приобретения старинных объектов, и в таких случаях Общество материально поддерживало их [3, p. 81].

В начале XVIII века институт сообществ и клубов стремительно набирал популярность. Например, клуб Дж. Аддисона (1672–1719) и Р. Стила (1672–1729), существовавший на страницах журнала «Спектейтор» (*The Spectator*), показал преимущества свободной от политических или религиозных противоречий полемики, когда все участники находятся в равном положении. Кофейни и таверны, где собирались литераторы, художники, страховые агенты и маклеры, стали местом постоянной циркуляции идей среди представителей самых разных профессий. В более широком смысле, замечает Р. Свит, клубы и общества были фундаментом культурной, политической и даже экономической жизни Англии XVIII в. [3, p. 82]. Однако сравнительно немногие сообщества добились успеха в долгосрочной перспективе. Почти все они испытывали трудности в привлечении участников, особенно остро данная проблема стояла перед теми исследователями, которые рассчитывали на серьезную научную деятельность. Именно антикварные сообщества продемонстрировали наиболее высокий уровень организации, Р. Свит связывает это с многовековой историей антикварианизма как такового. Ученые XVIII в. чтили историю антикварных сообществ, начиная с круга антикваров сэра Генри Спелмана (Henry Spelman, 1562–1641), сэра Роберта Коттона (Robert Bruce Cotton, 1571–1631) и Уильяма Кемдена (William Camden, 1551–1623). Вдохновившись опытом предшественников, антикварии XVIII в. стремились создать эффективную организацию для восстановления утраченных знаний об историческом прошлом Великобритании.

На рубеже XVII–XVIII вв. главной площадкой для обсуждения научных и литературных вопросов, безусловно, оставалось Лондонское Королевское общество, основанное в 1660 г. Коллекционирование древних артефактов всегда было одной из сторон

его деятельности, которая, однако, не поощрялась Исааком Ньютоном (1642–1727), одним из первых членов Общества. Он полагал, что его коллеги не должны заниматься «проблемами литературы». И действительно, среди приоритетов Королевского общества в 1718 г. исследование древностей располагалось в самом низу – после земледелия, садоводства и растениеводства [3, p. 83]. Однако большинство других научных сообществ как в Британии, так и за ее пределами не придерживались подобной иерархии.

История Королевского общества древностей начинается с амбициозной программы Хамфри Уэнли (1672–1726). Он составил список текстов, которые следовало подготовить к изданию, и предметов старины, изображения которых необходимо было создать. В качестве первого шага по реализации этого плана Уэнли и его коллеги решили опубликовать все собранные данные об английской кроне (серебряной монете в 5 шиллингов). Правда, первоначальный прилив энтузиазма быстро рассеялся, и через десять лет после основания будущее Общества оказалось под угрозой, во многом и потому, что в 1726 г. несколько его основателей, включая самого Уэнли, умерли. Как объясняет Р. Свит, подобные неформальные объединения, не имевшие регламентированного устава и даже постоянного места встреч, в значительной степени зависели от амбиций небольшой группы основателей. Это затрудняло систематическую исследовательскую работу [3, p. 86].

Конец 1720-х годов стал трудным периодом для задуманного проекта, и члены Общества решили выработать новую стратегию. Так, английский антиквар и политический деятель Роджер Гейл (1672–1744) жаловался своему высокопоставленному шотландскому коллеге сэру Джону Клерку (1676–1755) на «вялый характер встреч», для которых не хватало «интересного и действительно стоящего материала». Они обсуждали возможную помощь со стороны аристократов, забрезжила даже надежда на то, что графы Хертфорд (1684–1750) и Винчелси (1682–1729) будут оказывать более щедрую поддержку. Участие графов в проекте означало получение общественного признания и обретение государственного финансирования [3, p. 87]. Оно и стало ключевым фактором: когда официальное основание общества в 1707 г. дало возмож-

ность развернуть полномасштабную и продуктивную работу, ученые утвердились во мнении, что без государственной поддержки невозможно создать перспективное научное объединение. Первоначально высшие сословия неохотно жертвовали средства на подобные проекты, но ситуация постепенно менялась по мере осознания их преимуществ. Во-первых, антиквары пропагандировали патриотическую идею о возрождении исторического прошлого родины. В перспективе это должно было благотворно сказаться на укреплении англо-шотландских отношений и, как следствие, обеспечить политическую и экономическую стабильность Великобритании. Во-вторых, антикварные исследования способствовали не только научным открытиям, но и международным связям. Как замечает Р. Свит, по своим первоначальным целям Общество должно было заниматься изучением местных древностей, однако со временем эти рамки расширились. Например, в 1730-е годы возрос интерес к древностям Египта, Греции и Рима, изучение которых шло и в континентальной Европе, что тоже позволило расширить поле исследований.

Роул Даррел (Университет Калвин) исследует роль хорографической традиции в произведениях шотландских антиквариев конца XVII – XVIII в. [1] С греческого термин «хорография» переводится как «описание страны или региона» (от греч. χώρα (страна) или χῶρος (место или местность) + γραφια (описание, письмо)), причем в большинстве современных определений делается упор на описание страны или региона. Однако Р. Даррел предпочитает переводить термин «хорография» следующим образом: «репрезентация пространства или места», и определяет ее как комплексное представление пространства или места, наряду с описанием включающее также и визуальную составляющую. Ведь в широком смысле репрезентация – это создание образа того или иного объекта посредством других образов, идей или ассоциаций.

Исследователь подчеркивает междисциплинарность хорографии, ее направленность на взаимодействие человека со средой, связь с исторической памятью, необходимость синтеза прошлого и настоящего в хорографических исследованиях. Для яркой репрезентации местности требуется творческий подход и даже некото-

рая драматизация изложения. Вместе с тем хорография является эмпирической и критической дисциплиной, истоки которой коренятся в наблюдении, так что практикующему ее ученому необходимо знание местных обычаев и опыт пребывания на изучаемой территории.

Р. Даррел подтверждает свое понимание термина обширным корпусом хорографических произведений, охватывающим период от Античности до наших дней [1, p. 2]. Хорографическая традиция представлена в текстах Флавия Арриана (ок. 86 – ок. 160 г. н.э.), Диогена Лаэртского (ок. II–III вв.), Геродота (ок. 484 г. до н.э. – ок. 425 г. до н.э.), Птолемея (ок. 100 – ок. 170) и др. После падения Западной Римской империи она исчезает на целое тысячелетие – вплоть до эпохи Возрождения, когда появились переводы текстов Страбона и Птолемея, впоследствии побудившие ряд ученых возродить и преобразовать традицию хорографии в соответствии с гуманистическими тенденциями («Italia Illustrata» Флавио Бьондо, «Germania Illustra» Конрада Цельтиса).

В Британию Возрождение приходит позже и охватывает большую часть XVI в. Именно в тот период английская хорография начинает активно развиваться. Примечательно, что и феномен антикварианизма в широком смысле возникает примерно тогда же. Изучение ранних антикварных произведений выявляет тесную связь между антикварианизмом и хорографией. Р. Даррел выдвигает предположение, что именно хорография была основным исследовательским методом британских антикваров [1, p. 3].

Наибольшее влияние на более поздние литературные произведения и научные исследования о Шотландии оказали два шотландских антиквара – сэр Роберт Сиббальд (1641–1722) и Александр Гордон (1692–1755). Хотя, по-видимому, ни один из них не использовал термин «хорография», их работы можно безоговорочно отнести к данной традиции.

Приблизительно в 1682 г. Сиббальд начал сбор информации для атласа Шотландии, который задумывался как «описание Шотландии древней и Шотландии современной» [1, p. 8]. Уже на этом этапе в его деятельности прослеживается хорографический подход к репрезентации местности. Сиббальд перечисляет 12 предметов,

которые необходимо затронуть в исчерпывающем труде. Это не только вид правления и законы, природные ресурсы, транспорт и инфраструктура, но и древности, местные исторические традиции, особенности обычаев и нравов местных жителей. Сиббальд также разработал правила и предписания для тех, кто в будущем может последовать его примеру [1, p. 8–9].

Однако данному замыслу не суждено было реализоваться по неясным причинам, хотя Сиббальд опубликовал некоторые из собранных им материалов. В 1684 г. вышла его иллюстрированная книга по естествознанию под названием «Scotia Illustrata» (1683). Само исследование в первую очередь сосредоточено на природе Шотландии, однако антиквар отмечает влияние природы на местных жителей и говорит о них как о «продуктах своей страны, пригодных как для войны, так и для занятий искусством благодаря родной земле и чистоте воздуха» [1, p. 10].

Р. Даррел упоминает и две другие работы Сиббальда: «Древняя и современная история округа Шерифдом, Файфа и Кинросса» (*History Ancient and Modern of the Sheriffdom of Fife and Kinross*, 1710) и «Описание Оркнейских и Шетландских островов» (*The Description of the Isles of Orkney and Zetland*, 1711). В них Сиббальд сосредоточился на исторических сведениях и памятниках римской культуры на шотландской территории. Следует отметить, что статус римского наследия в Шотландии будет анализироваться и переосмысляться в Британии вплоть до конца XIX в. Однако в начале XVIII в. антикварии были заинтересованы исключительно в сборе объективных данных, подготавливая почву для дальнейших дискуссий.

Главным трудом Гордона стало «Itinerarium Septentrionale» («Путешествие на север»). В нем также основное внимание уделялось римским и несколько в меньшей степени раннесредневековым руинам на территории Шотландии. Работа создавалась во время трехлетнего путешествия Гордона по Шотландии. Антиквари лично производил измерения и составлял подробные планы исторически важных участков местности и памятников. В меру своих возможностей он изучил каждый объект, критически сравнивая полученные данные с наблюдениями предшественников.

Кроме того, он сопоставлял информацию с художественными описаниями из классических произведений, а также со сказками и легендами, услышанными от местных жителей.

Антикварии эпохи шотландского Просвещения обратили также внимание на рукописи старинных баллад – образцы самой ранней шотландской и английской поэзии. Для самих шотландцев эти литературные (и одновременно музыкальные) произведения служили свидетельством того, что Шотландия некогда была свободна от английского гнета. В то время как аристократы и элита проводили большую часть времени в Лондоне, обучали своих детей в английских школах в стремлении устранить из их речи шотландский акцент, оставшиеся на родине интеллектуалы занялись возрождением утраченных традиций. Отчасти подобные исследования стали реакцией на умаление всего шотландского теми, кто жил в Лондоне, англизировал свою речь ради удачной карьеры. Общество антикваров Шотландии предоставило своим членам необходимые инструменты для поиска старинных текстов и объектов. Методы антиквариев-просветителей, коллекционировавших баллады, походили на практику антикваров, которые изучали географию страны, ее природные ископаемые или римские развалины. И те и другие организовывали экспедиции, следили за новыми находками и активно обменивались сведениями друг с другом.

Руф Перри (Массачусетский технологический институт) напоминает, что народное музыкальное творчество исторически занимало центральное место в шотландской культуре, а основополагающим его жанром была баллада [2]. В 1775 г. английский журналист и драматург Эдуард Тофам (1751–1820) посетил Эдинбург и был особенно поражен музыкальностью его горожан. В «Письмах из Эдинбурга» (*Letters from Edinburgh*, 1776) он писал: «По своей силе привязанность к музыке, которая в целом свойственна этой стране, превосходит здесь религиозную веру. Это не только главное развлечение, но и постоянная тема любого разговора» [2, p. 78]. В музыкальные сообщества Эдинбурга и Абердина входили такие известные деятели, как сэр Гилберт Эллиот (1751–1814), Уильям Робертсон (1721–1793), Адам Смит (1723–1790), Адам Фергюсон (1723–1816), Александр Монро 1773–1859) и пр.

Р. Пэрри отмечает, что народная музыка была популярна среди всех слоев шотландского общества, и это выделяло Шотландию на фоне остальных европейских стран [2, p. 79]. Разумеется, образованные классы знали академические произведения, но церковь Шотландии осуждала слишком сложную музыку, так как низшие слои ее не понимали и тем более не могли ее исполнять. Знатное сословие также не проявляло инициативы в распространении светской музыки на территории Шотландии, поскольку значительная часть шотландской элиты проживала в английской столице. А балладная традиция в Шотландии беспрепятственно развивалась и поддерживалась, в том числе и усилиями антикваров.

Примечательно, что вслед за шотландскими антикварами также всерьез заинтересовались балладами и их английские коллеги. В Национальной библиотеке Шотландии и библиотеке Эдинбургского университета сохранилось множество писем английских антикваров, разыскивавших древние манускрипты. Р. Перри приводит в пример письмо Джозефа Ритсона (1752–1803) от 1792 г. к Александру Фрейзеру Титлеру (1747–1813), профессору истории Эдинбургского университета. В письме английский антиквар просит предоставить ему редкие шотландские песни для дальнейшей их публикации в его собрании [2, p. 82].

Р. Перри утверждает, что возрождение шотландских песен было также неотъемлемой частью политической ситуации в Великобритании XVIII в. и подпитывало дискуссии, в которых участвовали историки-просветители и философы-моралисты. Соперничество Англии и Шотландии за культурное первенство отразилось и в отношении к «Фрагментам древней поэзии» (1760) Джеймса Макферсона. Среди шотландцев публикации Макферсона пользовались доверием, в то время как в Англии подозревали автора в мистификации. В ответ на «Фрагменты» Сэмюэл Джонсон (1709–1784) и Уильям Шенстон (1714–1763) призвали английского антиквария Томаса Перси опубликовать «Памятники древнеанглийской поэзии» (*Reliques of Ancient English Poetry*, 1765), что тот и сделал. Вслед за ним последовал сборник шотландского собирателя Дэвида Херда (1732–1810) «Древние и новые шотландские песни, героические баллады и прочее» (*The Ancient and Modern Scots Songs,*

Heroic Ballads etc., 1769). Эти публикации, призванные определить культурное первенство английских либо шотландских антикваров, оказали колоссальное влияние на всю британскую литературу второй половины XVIII в.

Поэзия Оссиана-Макферсона и «Памятники» Т. Перси получили общеевропейское признание, хотя с самого начала ученые (большинство из которых были англичанами) поднимали вопросы о подлинности текстов как Макферсона, так и Перси (по утверждению самого антиквария, они были взяты в основном из устных источников). Сэмюэл Джонсон обвинил Макферсона в том, что тот сочинил поэмы Оссиана. А знаток баллад Джозеф Ритсон на протяжении долгого времени добивался от Томаса Перси, чтобы тот предоставил хоть какие-то исходные записи, которые, по его мнению, должны были наличествовать, хотя редактор тщательно их скрывал. Р. Перри предполагает, что Т. Перси чересчур существенно редактировал тексты и потому не хотел публиковать оригинальные манускрипты.

Эти и другие споры антикваров об аутентичности ранних поэтических текстов были связаны с историческими интересами просветителей, размышлявших об эволюции человеческого общества, его потребностях и возможных формах социального устройства. Старинные песни могли служить источником сведений об общественных отношениях в ранние эпохи, так что их публикация вносила определенный вклад в создание экономических и философских теорий. Поэтому и спор о том, какая поэзия является более древней (кельтская или англосаксонская), не только отражает соперничество националистического толка, но и затрагивает важные вопросы о социальном устройстве. В качестве примера Р. Перри приводит участие крупнейшего шотландского философа и историка Дэвида Юма (1711–1776) в оссиановской полемике, демонстрирующее его научный интерес к истории и глубокие познания в ней [2, p. 86].

Р. Перри выделяет еще один аспект: изучение баллад способствовало исследованию истории языка [2, p. 90]. Некоторые антикварии переписывались с Гримуром Торкелином (1752–1829), профессором истории в Копенгагенском университете и храните-

лем датских национальных архивов. Торкелин проводил параллели между шотландским и скандинавскими языками. Джон Джеймисон (1759–1838), редактор Этимологического словаря шотландского языка (*Etymological Dictionary of the Scottish Language*, 1808), писал ему: «Чем больше я исследую язык, тем больше убеждаюсь, что ваша теория справедлива, и наш язык не является производным от A.S.[1], а является родственным диалектом» [2, p. 90]. Позднее Торкелин познакомил Роберта Джеймисона (Robert Jamieson, 1772–1844) со скандинавскими балладами, в частности с датскими, и тот обнаружил ряд очевидных параллелей между шотландскими и более северными вариантами одних и тех же текстов.

Таким образом, исследование англо-шотландских баллад антикварами повлияло на целый ряд областей науки и искусства: в первую очередь, на литературу, музыку, историю, лингвистику, сравнительную антропологию и фольклористику.

Джеф Стрэбон (Коннектикутский колледж) отмечает, что из-за переезда высшей знати в Лондон в XVIII в. резко снизилась финансовая поддержка шотландских поэтов. Однако те деятели искусства и науки, которые остались на родине, радикально преобразовали литературную традицию. В 1710 г. шотландский ученый Томас Руддиман (1674–1757) издал первый полный перевод «Энеиды» на шотландский, сделанный в 1513 г. Гевином Дугласом (ок. 1474–1522) [4, p. 77]. На титульном листе Руддиман особо указал, что работа переведена на «старый шотландский язык», в отличие от того, на котором говорили в Шотландии в начале XVIII века.

Популяризацией шотландского языка занимался также известный шотландский поэт, фольклорист Аллан Рэмзи (Allan Ramsay, 1686–1758). Он также редактировал баллады, написанные на среднешотландском, и в его комментариях к ним предложена абсолютно новая версия истории шотландской литературы. В подготовленном Рэмзи двухтомном издании «Вечнозеленый» (*The Ever Green: A Collection of Scots Poems Wrote by the Ingenious before 1600*, 1724) образ среднешотландских поэтов кардинально меняется: из космополитически ориентированных и свободолюби-

[1] A.S. – Anglo-Saxon, древнеанглийский язык.

вых по натуре они превратились в националистически настроенных бардов, защищавших свою культуру от иностранных влияний. Как и ученые-антикварии, Рэмзи стремился создать образ современной ему нации как культурного образования, берущего начало в средневековую эпоху.

В XVIII в. в Великобритании начинают активно издаваться сборники и коллекции, призванные привить соотечественникам любовь к «грубым, лишенным изящества, но подлинным произведениям предков» [4, p. 78]. Однако Рэмзи не стремился быть антикварием, в «Вечнозеленом» он выступил скорее как поэт, способствовавший популяризации шотландского народного искусства.

Вместе с тем существен и его вклад в научное изучение шотландского наследия: изучив большое количество древних баллад, он определил основные размеры, жанры и формы древнего стиха, а кроме того, четко отделил стихи на шотландском языке от тех, которые создавались на диалектах английского. Главными авторами шотландской древности Рэмзи считал Джона Барбура (ок. 1320–1395), Роберта Генрисона (ок. 1425 – ок. 1500), Слепого Гарри (1440–1492), Уильяма Данбара (1460–1520), Гэвина Дугласа (1474–1522), Дэвида Линдси (ок. 1490–1555) и Александра Монтгомери (ок. 1545–1598). Их поэзия стала отправной точкой для возрождения национального самосознания. Вместе с тем нужно учитывать, что в их биографиях много лакун, и это создает простор для мистификаций. К началу XVIII в. труды некоторых из них ни разу еще не были напечатаны. Так, только шесть из 84 стихотворений Уильяма Данбара были опубликованы при его жизни, а в следующий раз были изданы только в 1724 г. в собрании Рэмзи. Больше остальных в этом смысле повезло Роберту Генрисону: его версия «Моральных Басен» (*The Morall Fabillis*) была напечатана в 1621 г., а «Завещание Крессиды» (*The Testament of Cresseid*) – в 1663 г.

Рэмзи многое сделал для шотландской поэзии и помимо составления «Вечнозеленого». Сразу после Акта об Унии (1707) вместе с другими литераторами-якобитами он основал литературный клуб «Easy club», внутри которого брал различные псевдонимы. Под руководством других участников клуба Рэмзи издал свои

первые стихотворения. В 1719 г. уже под своим именем издал первый сборник «Шотландских песен» (*Scots Songs*). Приобрела известность еще одна подготовленная им книга под названием «Смесь для чайного столика» (*The Tea-Table Miscellany*, 1723), включавшая авторские баллады Рэмзи, произведения его друзей, а также отредактированные им народные песни. В 1725 г. была опубликована пастораль Рэмзи «Нежный пастух» (*Gentle Shepherd*, 1725), по мотивам которой спустя четыре года была поставлена опера. В 1726 г. вышел составленный Рэмзи (без указания его имени) сборник «Английские и латинские стихотворения о лучниках и Королевской роте лучников, взятые из нескольких источников» (*Poems in English and Latin, on the Archers and Royal Company of Archers, by several Hands*, 1726).

Сравнивая подход Рэмзи и переводчика «Энеиды» Т. Руддимана, Дж. Стрэбон пишет: «В то время как Руддиман превращал живую речь своих соотечественников в окаменелости, Рэмзи оживлял мертвых» [4, p. 78]. Он словно перенаправил энергию антиквариев в издательское дело. Именно Рэмзи расширил возможности шотландского языка в поэзии и призвал нацию встать на защиту вековых традиций. И поэтому, как утверждает Дж. Стрэбон, история британского романтизма начинается с творчества Рэмзи.

Дж. Стрэбон выявляет некоторые приемы Рэмзи, направленные на популяризацию древней поэзии. Именно он стал называть древних поэтов «бардами» (bard – от кельтского bardos), несмотря на то что это слово пришло из валлийского языка и ассоциировалось с «эйстетвод» – валлийскими музыкально-литературными фестивалями. Но Рэмзи выбрал именно его, отказавшись от шотландского термина «менестрель» (minstrel), поскольку со временем статус менестрелей изменился и оброс негативными коннотациями.

В целом популяризация среднешотландской поэзии в XVIII в. была делом нелегким, поскольку после политического объединения Шотландии и Англии шотландский язык претерпел серьезные изменения. Читателю той эпохи стало трудно воспринимать устаревшую языковую норму, и перед Рэмзи встала масштабная задача адаптации древних текстов, которую невозможно было решить без серьезного изменения самих поэтических памятников.

Дж. Стрэбон заключает, что среднешотландская поэзия около 1700 г., в сущности, не возрождалась, а, скорее, претерпев преобразование, стала идеологическим оружием для новой концепции нации [4, p. 84].

Список литературы

1 Даррел Р. Хорографическая традиция и шотландские антикварии XVII–XVIII вв.
Darrell R. The chorographic tradition and seventeenth- and eighteenth-century Scottish antiquaries // Journal of art historiography. – 2011. – Vol. 5. – P. 1–18.

2 Перри Р. Народные баллады и шотландское Просвещение.
Perry R. Balladry and the Scottish Enlightenment // The Scottish Enlightenment and literary culture / ed. by Young R., McLean R., Simpson K. – Lewisburg : Lewisburg univ. press, 2016. – P. 77–95.

3 Свит Р. Общества антиквариев.
Sweet R. Antiquarian societies // Sweet R. Antiquaries : the discovery of the past in eighteenth-century Britain. – London : A&C Black, 2004. – P. 81–118.

4 Стрэбон Дж. Аллан Рэмзи и Томас Руддиман : два способа оживить мертвых поэтов Шотландии.
Strabone J. Allan Ramsay and Thomas Ruddiman : two ways of reviving Scotland's dead poets // Strabone J. Poetry and British nationalisms in the bardic eighteenth century. – London : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 77–121.